

*Митрополит Исидор (Тупикин)**

**ХАРАКТЕРИСТИКА «СТОДНЕВНОЙ»
АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1954 г.:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В представленной статье будут проанализированы особенности проведения «стодневной» антирелигиозной кампании 1954 г. Частичное ослабление сталинской репрессивной политики в отношении религиозных организаций в послевоенный период сменилось новым витком идеологической борьбы с религией, известной в историографии как «хрущевская антирелигиозная кампания». Статья анализирует начальную стадию «хрущевских гонений» на Русскую православную церковь, датированную коротким временным периодом: лето — осень 1954 г. Пропагандистские и административные стратегии, протестированные в ходе антицерковных мероприятий 1954 г., получили свое воплощение в момент развертывания полномасштабной антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. В статье проанализированы факторы и причины, вызвавшие резкое изменение вероисповедной политики в послесталинский период, отмечается характер и содержание, результаты и последствия «хрущевской» антицерковной кампании. Действенным средством ограничения деятельности религиозных организаций на территории СССР продолжительное время считалось нормативно-правовое регулирование положения религиозных объединений. На основании инструкций и постановлений партийных органов осуществлялось «грубое администрирование» и бюрократический контроль над деятельностью православных епархий и приходов на местах, хотя антирелигиозная кампания 1954 г. декларировалась как сугубо пропагандистское и научно-просветительское мероприятие. На основании документальных материалов Государственного архива Тверской области, впервые вводимых в научный оборот, на примере Калининской области описывается ход реализации антирелигиозной кампании 1954 г. в регионах.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «хрущевская» антирелигиозная кампания, государственно-конфессиональные отношения, нормативно-правовое регулирование; законодательство о религии; религиозная политика СССР; Н. С. Хрущев.

* Митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор (Тупикин Роман Владимирович), кандидат юридических наук, кандидат богословия, ректор Смоленской Православной Духовной семинарии; tupikinrv2017@mail.ru

Metropolitan Isidor (Tupikin)
CHARACTERISTICS OF THE "HUNDRED-DAY"
ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN OF 1954: REGIONAL ASPECT

This article will analyze the features of the "hundred-day" anti-religious campaign of 1954. The partial weakening of Stalin's repressive policy against religious organizations in the post-war period was replaced by a new round of ideological struggle against religion, known in historiography as "Khrushchev's anti-religious campaign". The article analyzes the initial stage of "Khrushchev's persecution" of the Russian Orthodox Church, dated to the short time period summer — autumn 1954. Propaganda and administrative strategies, tested during the anti-church events of 1954, were embodied at the time of the deployment of a full-scale anti-religious campaign of 1958–1964. The article analyzes the factors and causes that caused a sharp change in religious policy in the post-Stalin period, notes the nature and content, results and consequences of the "Khrushchev" anti-church campaign. For a long time, legal regulation of the position of religious associations was considered an effective means of restricting the activities of religious organizations on the territory of the USSR. On the basis of the instructions and resolutions of the party bodies, "rough administration" and bureaucratic control over the activities of Orthodox dioceses and local parishes were carried out, although the anti-religious campaign of 1954 was declared as a purely propaganda and scientific and educational event. On the basis of documentary materials from the State Archives of the Tver Region, introduced into scientific circulation for the first time, the course of the implementation of the anti-religious campaign of 1954 is described. in the regions, on the example of the Kalinin region.

Keywords: Russian Orthodox Church, "Khrushchev's" anti-religious campaign, state-confessional relations, legal regulation, legislation on religion, religious policy of the USSR, N. S. Khrushchev.

ВВЕДЕНИЕ

В научной историографии событие «стодневной» антирелигиозной кампании 1954 г. воспринимается как тестовая пропагандистская акция, подготовившая будущую полномасштабную антирелигиозную кампанию 1958–1964 гг. В целом «хрущевские» гонения отражают новый вид церковно-государственных отношений, характеризующийся новой, отличной от сталинской, стратегией борьбы коммунистической партии с религией в целом и Русской православной церковью (далее — РПЦ) в частности. Чтобы реконструировать характерные особенности «послесталинских» антирелигиозных репрессий, прежде всего нужно обратиться к общим положениям большевистской концепции религии. Коммунистический режим интерпретировал феномен религии на трех смысловых уровнях: политическом, идеологическом, социальном. В частности, Русская православная церковь воспринималась большевиками: 1) как политический субъект, имеющий влияние на различные социальные страты и обладающий развитой организационной структурой; 2) как носитель самобытной идеологии, мировоззренчески отличной от научно-материалистических установок, и 3) как социальная институция, эффективно воздействующая на неформальную сферу жизнедеятельности советских граждан (ценности, быт, социальные практики, обычаи). Таким образом, религия потенциально оппонировала большевистскому проекту атеистического социального госу-

дарства сразу на нескольких уровнях. Однако, как мы видим, за 70-летнюю историю коммунистического режима стратегии антирелигиозной политики менялись в зависимости от расставленных акцентов интерпретации религии.

Сталинский режим воспринимал Церковь как политического врага, поэтому реализовывал антигуманную стратегию воинствующего антиклерикализма и полномасштабных репрессий, опираясь на механизмы административного регулирования и вытесняя церковные институты за рамки советского общества. «Сталинизм» был прежде всего политическим проектом скоротечной индустриализации страны и строительства «современного социалистического государства», осуществляемого с помощью репрессивного аппарата. К концу 1930-х гг. РПЦ как политическая и социальная институция была фактически уничтожена и не представляла для государственного режима сколько-нибудь весомой опасности. Вплоть до 1943 г. осуществление контроля над религиозными организациями было возложено на органы государственной безопасности, причем администрирование велось часто внеправовыми средствами и даже с помощью террора. В дальнейшем, как известно, регулирование церковно-государственных отношений стало осуществляться вновь учрежденным государственным органом — Советом по делам РПЦ при правительстве СССР, руководствовавшимся по большей части правовыми инструментами, но не чураясь администрирования на местах.

В свою очередь объявленное Н. С. Хрущевым строительство «научно-коммунистического общества» было по большей части идеологическим проектом. Религия как идеологический соперник могла воспрепятствовать осуществлению этого плана. Она оставалась чужеродным идеологическим компонентом в пределах коммунистического проекта. Таким образом, Хрущев развернул антирелигиозную кампанию, осуществляя закрытие религиозных общин и церковных приходов, ограничивая самостоятельность религиозных организаций и духовенства и полагаясь на пропагандистскую работу партийных органов по внедрению научно-материалистического мировоззрения в народные массы. Если в послевоенный период религия рассматривалась как патриотический и политически лояльный институт, в хрущевской кампании она оценивалась как идеологический пережиток, который искоренится через научное просвещение. Так, воинствующий атеизм при Хрущеве сменился научным атеизмом. Впоследствии партийная номенклатура обратила внимание на значительную социальную роль религии в повседневном поведении советских граждан (ценности, бытовой уклад, социальный праксис, народные обычаи), заменяя традиционный образ жизни «новой гражданской обрядностью» и «коммунистическим бытом».

Антирелигиозная политика времен Хрущева была следствием изменения сталинского идеологического курса и вылилась в две атеистические кампании: «стодневную кампанию» 1954 г. [5, с. 34, 40–45] и масштабную антирелигиозную кампанию 1958–1964 гг. Обратимся к менее исследованному в отечественной историографии событию антирелигиозной кампании и попытаемся проанализировать нормативно-правовую базу этой государственной акции.

«СТОДНЕВНАЯ КАМПАНИЯ» 1954 г.

В 1940-е и начале 1950-х гг. идеологическая элита и атеистические кадры молчаливо признавали, что атеистическая работа не является приоритетной. Смерть И. Сталина в марте 1953 г. нарушила временное затишье в послевоенной религиозной жизни [23, р. 96–100, 125]. Со стороны советского государства прежний интерес к РПЦ как инструменту внутренней и внешней политики был утрачен.

Появление новых лиц в руководстве страны вызвало тревогу в Совете по делам РПЦ и Московской патриархии. Возникал естественный вопрос: насколько радикальными будут изменения в модели церковно-государственных отношений после смены политического курса?

В течение года (вплоть до июня 1954 г.) Совет по делам РПЦ просил правительство предоставить инструкции относительно «дальнейшей работы», дать указания, «какой линии следует придерживаться, какие принципы и методы работы допустимы» [21, с. 351], в свою очередь предлагая широкий спектр проблем регулирования деятельности религиозных организаций: новую редакцию положения о Совете, изменения в законодательстве о религиозных культурах, частоте открытия новых церквей и часовен, деятельности незарегистрированных общин, священников и пр. [23, р. 125]. Совет по делам Русской православной церкви совместно с Советом по делам религиозных культов неоднократно направлял правительству и ЦК предложения об объединении этих двух органов [23, р. 126]. Однако никакой реакции Совмина и ЦК на запросы Совета по делам РПЦ не наблюдалось вплоть до середины 1954 г. [23, р. 126]. Временно деятельность Совета по делам РПЦ, без руководящих указаний высших партийных органов, фактически была приостановлена. Стоит отметить, что позиция Совета по делам РПЦ не выходила за рамки вероисповедной политики, характерной для послевоенного времени и в принципе не препятствовавшей возрождению религиозной жизни по всей стране. В послевоенный период Совет по делам РПЦ пытался двигаться в русле деловых взаимоотношений с РПЦ, считая, кстати, вредным неформальное воздействие на эти отношения органов госбезопасности [21, с. 351]. Увеличение числа верующих и посещаемости православных храмов с 1953 г. уполномоченные Совета по делам РПЦ пытались объяснить подъемом патриотических чувств ввиду «кончины вождя народов» Сталина. В то же время атеистическая пропаганда переживала ощутимый кризис и сдвигалась в сторону научно-просветительской деятельности, где акцентировалось внимание не на атеистическом мировоззрении, а на культурном просвещении, гармоничном воспитании, гигиене, физическом развитии. На XIX съезде коммунистической партии, состоявшемся в 1952 г., проблематика атеизма вообще не затрагивалась [20, с. 46].

Оживление религиозной жизни страны стало ощутимым во второй половине 1953 г., чему в немалой степени способствовала активная деятельность духовенства. В частности, резко увеличилось количество запросов верующих на открытие церквей (1953 г. — 990; 1954 г. — 1361 [23, р. 127]), уменьшилось количество действующих храмов, в которых богослужения совершались нерегулярно (1952 г. — 3671; 1953 г. — 1525 [23, р. 127]), улучшалось материально-

финансовое положение епархий и приходов, увеличивался набор абитуриентов на поступление в духовные учебные заведения (1951 г. — 400; 1952 г. — 496; 1953 г. — 560 [23, р. 127]). Таким образом, буквально за одно послевоенное десятилетие было возвращено и открыто ок. 10 тысяч церквей; РПЦ постепенно воссоздавала инфраструктуру, разрушенную в период сталинских репрессий [21, с. 429–430]. Начиная с осени 1953 года, Святейший Патриарх Алексий ходатайствовал о встрече с Маленковым через Совет по делам РПЦ, тем самым пытаясь проверить текущий характер церковно-государственных отношений [23, р. 128]. Однако совершенно иные события вынудили Г. М. Маленкова согласиться на встречу с Патриархом Алексием.

Весной 1954 г. отделедами при ЦК КПСС был представлен информационный доклад «О крупных недостатках в естественнонаучной, антирелигиозной пропаганде» [21, с. 352; 1, с. 118], где было четко зафиксировано замедление и ослабление атеистической работы в центре и на местах; более того, такая пассивность в области идеологии была отмечена как опасная. Данный доклад получил поддержку со стороны высокопоставленных деятелей (П. Н. Поспелов, А. М. Румянцев, М. А. Суслов, Е. А. Фурцева, Д. Т. Шепилов, А. Н. Шелепин). Они представляли собой группу амбициозных коммунистов и комсомольских активистов, примыкавших к Н. С. Хрущеву и сыгравших в дальнейшем важнейшую роль в ходе антирелигиозной кампании. Старая сталинская партийная элита (Г. М. Маленков, В. М. Молотов) внутренне была не готова к усилению пропагандистской атаки, так как придерживалась формата использования религиозных структуры для ведения внешней и внутренней политики (такая модель сосуществования религиозных организаций и партийной идеологии возникла в 1940-х гг.). Неформальным вдохновителем возвращения к воинствующему атеизму стал старый большевик и специалист в области русского сектантства В. Д. Бонч-Бруевич. Поток докладов, встреч, дискуссий в партийных кулуарах создал благоприятную среду для возобновления антирелигиозной кампании [21, с. 350–352]. Резкая смена модели церковно-государственных отношений была связана с обновлением идеологических положений и стратегий атеистической пропаганды. Возрождение научно-атеистического подхода было продекларировано на XII съезде ВЛКСМ, прошедшем в марте 1954 г. [1, с. 119]. Шелепин, будучи секретарем ЦК ВЛКСМ и одним из вдохновителей будущей антирелигиозной кампании, артикулировал директивные положения, обозначавшие начало систематизированных антицерковных мероприятий. Смысл воззвания высокопоставленного комсомольского активиста заключался в реализации следующих задач: искоренение «индифферентизма» среди молодежи по отношению к религии, «усиление атеистического воспитания молодежи... восстановление в полных правах антирелигиозной пропаганды в комсомоле» [12, с. 3–4]. Последние тезисы касались непосредственно начала антирелигиозной пропагандистской акции 1954 г.

7 июля 1954 г. по инициативе Хрущева в газете «Правда» было опубликовано постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [см.: 9]. Фактически эта была первая идеологическая декларация Хрущева. Постановление было подготовлено узким кругом его приближенных — упомянутыми партийными активистами

Сусловым, Шепиловым, Шелепиным. Данный документ стал полной неожиданностью для руководства РПЦ и Совета по делам РПЦ, да и для простых советских граждан [18, с. 153–154].

Принятие постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» следует рассматривать как логическое следствие той работы, которая была проведена Отделом пропаганды и агитации при ЦК КПСС в начале 50-х гг. Возможность утверждения такого документа на национальном уровне стала реальностью после смерти Сталина. Относительно стабильные отношения с органами государственной власти, умеренное возрождение церковных структур не предвещали ситуации, напоминающей довоенный опыт периода сталинских антирелигиозных репрессий.

В данном постановлении признавалось возрождение религиозности, в первую очередь Русской православной церкви. Указывалось, что выросло число людей, посещающих храмы и ведущих религиозную жизнь. Тон и характер постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. были, по существу, крайне агрессивны. Документ в своей формулировке возродил традицию воинствующего атеизма 1930-х гг. Главным тезисом постановления ЦК КПСС было утверждение о принципиальной несовместимости религии и коммунистической идеологии. Религиозные организации и верующие якобы выступали против остального общества, они «сознательно и энергично» противостояли гражданам, строящим коммунизм [23, р. 129]. Критически оценивая состояние атеистической работы партийных организаций, постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. призывало «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии» [23, р. 129] и активизировать антирелигиозную пропаганду на местах. Антицерковная кампания декларировалась как идеологическая акция, часть проекта индустриализации и строительства «социалистического общества». Религия воспринималась Хрущевым как типичный феномен сельской жизни, постепенно утрачивающий свое значение в городской среде, поэтому цель кампании заключалась в идеологической борьбе с религиозными пережитками прежде всего в деревне, наносящими вред сельскому хозяйству [5, с. 34].

Советская власть лицемерно объявляла о том, что эту пропаганду следует проводить с помощью убеждения, проявляя индивидуальный подход к каждому религиозному человеку [16, с. 373]. Данный документ касался вопросов исключительно идеологической работы, демонстрируя лидирующую роль партийной номенклатуры. ЦК КПСС требовал атеистической работы не только от партийных организаций, но и от профсоюзов, Министерства просвещения, Министерства культуры, государственных издательств [23, р. 129]. Стоит отметить, что в постановлении встречаются довольно оправданные претензии партийных органов к советским СМИ за игнорирование атеистических материалов; в период с 1945 по 1954 г. «Комсомольская правда» опубликовала лишь пять статей атеистического содержания, газета «Правда» — всего одну [19, с. 2]. Кроме того, в указанных статьях использовались старые приемы воинствующих безбожников, внимание акцентировалось на антиклерикальной тематике (безнравственное поведение священнослужителей), однако актуальной становилось научно-атеистическая пропаганда, фокусирующаяся на технологическом прогрессе и научных достижениях [23, р. 131].

Региональные обкомы достаточно оперативно среагировали на это постановление схожими по характеру и содержанию директивами. Совет по делам РПЦ был вынужден оперативно отреагировать на публикацию постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. С одобрения ЦК КПСС в течение месяца уполномоченным была разослана «Ориентировка», а именно «О формах и методах идеологического воздействия церкви на верующих в настоящее время» [23, р. 129]: православное духовенство в данном документе рассматривалось как идеологический оппонент, а религия воспринималась как вредное суеверие. Задачи уполномоченных заключались в контроле и мониторинге положения религиозных организаций в регионе, а также оперативном обеспечении информацией местных и центральных партийных органов.

Широкая кампания по пропаганде «научно-атеистических знаний» началась в средствах массовой информации после публикации постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. Так, повсеместно стали выходить антирелигиозные статьи в периодических изданиях, проводились антицерковные собрания, власти стали требовать от духовенства различных уступок, например запрещения колокольного звона [11, с. 26]. В результате на местах начались преследования верующих людей. Общие предписания постановления ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. тем самым отражали смену курса вероисповедной политики Советского государства, изменение модели церковно-государственных отношений.

Начало антицерковной кампании 1954 г. было воспринято советскими гражданами по-разному. Агрессивный характер постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» был расценен, как начало новых антирелигиозных репрессий, прелюдия будущих арестов священства и ликвидации церквей. Это вызвало поток письменных жалоб в адрес партийных органов и протестные настроения среди населения. Более того, стал наблюдаться обратный эффект — повышение интереса к религии со стороны советских граждан, в частности увеличилось число обращений населения за религиозными требами [18, с. 158]. Совет по делам РПЦ констатировал факт усиления религиозности населения [23, р. 131].

В сентябре 1954 г. Совет по делам РПЦ подготовил для ЦК КПСС информационный доклад «О нарушениях законодательства о религиозных культурах и фактах грубого администрирования по отношению к церкви и верующим» [23, р. 131], где внимание обращено на участвовавшие случаи незаконного администрирования по отношению к священнослужителям со стороны местных партийных органов, а также распространившиеся случаи хулиганства, порчи церковного имущества и даже поджогов храмовых зданий [23, р. 131].

В октябре 1954 г. Совет по делам РПЦ отмечал крайнюю неэффективность антирелигиозной кампании, отмечая вызванную активной пропагандой социальную и политическую дестабилизацию в стране, а также затемнение положительного образа вероисповедной политики СССР за рубежом [23, р. 133].

Архивный документ, а именно «инструктивное письмо» [6, л. 63] председателя Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпова от 25 октября 1954 г. на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ по Калининской области В. И. Хевронова описывает весь спектр нарушений, связанных с искаженным пониманием

постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [9]. Обратимся к анализу этого документа.

В самом начале инструктивного письма Карпов отмечает участвовавшее за последние месяцы случаи, когда «в ряде местных газет или выступлениях лекторов» допускались «грубые оскорбительные выпады против верующих и духовенства, оскорбляющие чувства верующих и способствующие только усилению религиозности» [6, л. 63]. Более того, в районных газетах нарочно упоминались «фамилии советских граждан, посещающих церковь и совершающих религиозные обряды» [6, л. 63], что, по мнению Карпова, нарушало принципы свободы совести. Упомянутые пропагандистские выходы рядовых журналистов районных газет, исходя из суждений Карпова, шли вразрез с вдумчивой методологией научно-атеистической пропаганды, принципы которой описаны в статье «Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду» [см.: 19], опубликованной в «Правде».

Карпов упоминает о неправильном пути администрирования и сетует на то, что некорректное администрирование и даже хамское отношение к верующим исходит не только от пропагандистской региональной прессы, но и со стороны уполномоченных Совета по делам РПЦ. К недопустимым нарушениям он относил следующие прецеденты: «запрещение производить ремонт церквей (Ростовская область), вызовы священников в советские органы и беседа с ними в грубой оскорбительной форме (Полтавская область), запрещение зарегистрированному духовенству выполнять требы и богослужение (Чкаловская область), увольнение советских служащих, посещающих храмы, участвующих в церковных исполнительных органах или хорах (Ленинград), попытки незаконного закрытия церквей (Великолукская и Брестская области), слом церковных зданий (Тамбовская область) и т. п.» [6, л. 63]. Указанные случаи председатель Совета по делам РПЦ идентифицировал как грубые нарушения «декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и ст. 124 Конституции СССР, обеспечивающей свободу совести» [6, л. 64].

При чтении документа возникает ощущение, что Карпов в данном случае больше беспокоился не о соблюдении советской законности, но относительно начавшейся за несколько месяцев активизации церквей, увеличения количества религиозных треб (в частности, роста числа крещений) ввиду усиливающихся слухов о скором закрытии церквей. Председатель Совета по делам РПЦ сетует на то, что факты нарушений становятся известными не через уполномоченных, но из других источников (газеты, жалобы верующих и священников). Однако Карпов напоминает, что главной функцией уполномоченных является «наблюдение за выполнением законов, относящихся к церкви» [6, л. 64]. Он иллюстрирует свои инструкции описанием противоправного инцидента в с. Череватицы Кобринского района Брестской области, когда местным сельсоветом права верующих были грубо нарушены, а «церковь была закрыта по надуманному поводу о неуплате налогового сбора» [6, л. 64]. Этот случай стал достоянием общественности, хотя не был включен в отчет уполномоченного по Брестской области. Так, Карпов в своем инструктивном письме в очередной раз акцентировал внимание на приоритете законности и необходимости четкого следования модели церковно-государственных отношений.

Далее председатель Совета по делам РПЦ указывал на случаи злоупотреблений со стороны самих уполномоченных, когда последние «не уяснили политику взаимоотношений между церковью и государством и становились на путь прямого администрирования» [6, л. 64–65]. Карпов приводит несколько вопиющих примеров: «уполномоченный по Калининской области В. И. Хевронов запретил местному архиепископу назначать на приходы священников из других областей и не регистрировал их; и. о. уполномоченного по Великолукской области Жулев не вмешался в процесс незаконного закрытия церкви с. Миритиницы, осуществленного председателем местного райисполкома» [6, л. 64–65].

В конце инструктивного письма Председатель Совета по делам РПЦ обращается с общим инструктажем, предупреждая уполномоченных о недопустимости грубого администрирования и требуя «немедленного письменного или телеграфного сообщения по фактам грубого администрирования в отношении Церкви и других действиях, возбуждающих массовое недовольство, жалобы или оскорбление религиозных чувств верующих и о поступивших особо важных жалобах и заявлениях и принятых по ним мерах» [6, л. 65].

Итак, участвовавшие в регионах инциденты неправового администрирования по отношению к религиозным организациям, отсутствие вдумчивого научно-атеистического подхода в ведении пропаганды и агитации, вызвали стихийную мобилизацию верующих. В центральные партийные и правительственные органы посыпался шквал жалоб и петиций, отражающих множество случаев нарушения конституционных прав верующих. Более того, социальная дестабилизация, вызванная откровенной неудачей пропагандистской кампании, вызвала раскол в среде партийных элит [13, с. 171].

В итоге антирелигиозная кампания 1954 г. потерпела фиаско, и Хрущев был вынужден временно отступить. 10 ноября 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», противоположное по духу июньскому постановлению. Буквально на следующий день постановление стало достоянием общественности, будучи опубликованным в «Правде» [10]. В представленном документе, по сути дела, признавался факт гонений. Так, указывалось, что имели место клевета и оскорбления верующих и духовенства, что советские чиновники использовали свою власть для того, чтобы препятствовать деятельности церковных общин. Постановление ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» упоминало факты «администрирования» и «оскорбления чувств верующих». Эти деяния были объявлены незаконными и неприемлемыми в советском обществе. В постановлении ЦК КПСС признавался тот факт, что РПЦ уже не являлась классовым (политическим) врагом, так как социальная база, «на которую опиралась церковь», была ликвидирована [8, с. 448]. Авторы постановления декларировали переход от административного давления на церковные структуры в сторону научно-атеистической просветительской работы, повышения культурного и материального уровня советских граждан. Так, постановление ЦК КПСС объявляло программу прекращения «администрирования» и переход к «систематической» антирелигиозной пропаганде. Именно в нем было явственно

обозначено движение от политической активности в сферу идеологической и пропагандистской деятельности.

Мы уже упоминали, что господствующей неформальной установкой среди партийных идеологов стало суждение Хрущева о религии как архаичном пережитке прошлого, который необходимо преодолеть для строительства «социалистического общества». Инструментом преодоления религиозного мышления и религиозных обычаев должна была стать культурно-просветительская деятельность. В свою очередь, за эффективность культурно-просветительской работы должны были отвечать соответствующие государственные учреждения: клубы, библиотеки, читальни, дворцы культуры [8, с. 450]. «Задача партийных, государственных и общественных организаций» состояла в повсеместной оптимизации просветительской работы [8, с. 450]. В частности, предлагалось распространять в народе знания, связанные с естественными науками, что, по мнению авторов постановления, привело бы к крушению религиозности в обществе [14, с. 394]. Однако, как мы знаем из дальнейшей истории, не все аспекты заявленной декларации были реально осуществимы. Полномасштабная деятельность учреждений культуры в области научного просвещения не подкреплялась материальным обеспечением. Отмечался дефицит квалифицированных лекторов для реализации заложенного в постановлении плана, а именно систематической и профессиональной просветительской деятельности.

Тем не менее необходимо отметить, что постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» от 7 июля 1954 г., инициировавшее «стодневную» антирелигиозную кампанию, пусть и в какой-то степени неудачную, стало программным документом, определившим характер церковно-государственных отношений в период «хрущевской» антирелигиозной кампании 1958–1964 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Стодневная» антирелигиозная кампания 1954 г. по большей части оказалась неудачной пропагандистской акцией, где государственная власть и партийные органы не рассчитали своих сил. В результате советский режим столкнулся с обратным эффектом — образованием социальной нестабильности и усилением религиозности на местах. Однако стоит отметить, что пропагандистские и административные стратегии, протестированные в ходе кампании 1954 г., получили свое воплощение при развертывании полномасштабной антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. Именно в рамках «стодневной» антирелигиозной кампании 1954 г. стали использовать новые формы атеистической агитации и пропаганды. Впервые партийные органы в своей борьбе с религией обратились к верифицируемому знанию, а именно к социологическим исследованиям религиозности советских граждан. «Хрущевская» бюрократия не чуралась и проверенных методов административного воздействия на религиозные общины и верующих. «Администрирование», как известно, было визитной карточкой сталинской репрессивной вероисповедной политики. Также использовалось социальное давление на верующих со стороны

общественности и профсоюзов (в частности, т. наз. «товарищеские суды» над гражданами, посещавшими церковь). Партийная методология атеистической агитации и пропаганды со временем совершенствовалась: к примеру, именно с 50-х гг. появилось устойчивое желание со стороны комсомольских работников подменять традиционные повседневные практики и стили поведения новой «гражданской обрядностью».

Антирелигиозная кампания 1958–1964 гг. формально и методологически была близка «стодневной акции» 1954 г., однако отличалась интенсивностью и степенью задействования ресурсов. Организаторы кампании 1958–1964 гг. учли ошибки прошлой пропагандистской акции: например, как мы помним, публичность нормативно-правовых актов, направленных на ущемление прав религиозных организаций вызвала брожение в советском обществе, поэтому соответствующие инструкции и постановления 1958–1961 гг. распространялись в режиме секретности и не были достоянием общественности. До сих пор со спецификой нормативного регулирования религиозных объединений в период 1958–1964 гг. можно ознакомиться лишь в архивах или научно-исследовательских монографиях. Скрытность правового регулирования не позволила структурам РПЦ и зарубежным правозащитным организациям действительно отреагировать на многочисленные нарушения принципов свободы совести в период «хрущевской» антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. Если антирелигиозная кампания 1954 г. оставалась по большей части тестовой пропагандистской акцией, пусть и с многочисленными неправовыми инцидентами грубого администрирования на местах, то в период кампании 1958–1964 гг. был принят ряд нормативно-правовых актов, оказавших значительное негативное влияние на материально-финансовое, социальное и правовое положение Русской православной церкви. Масштабы и характер «хрущевской» антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. напомнили государственные репрессивные стратегии периода 1920-х и 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории. — М., 2008.
2. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. — Томск, 2008.
3. Дорош А. А. Трансформация направленности политики Советского государства в отношении Церкви и религии в 1953–1964 гг. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2. — С. 130–132.
4. За идеологическую работу, тесно связанную с жизнью: Совещ. заведующих отделами пропаганды и агитации и отделами науки и культуры обкомов, крайкомов КПСС и ЦК компартий союзных республик // Правда. — 1954. — 1 февр.
5. Законодательство о религиозных культах: Сб. материалов и документов / под общ. ред. В. А. Куроедова, А. С. Панкратова. — М.: Юридическая литература, 1971. — 210 с.
6. Инструктивные письма председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по вопросам осуществления контроля за дея-

тельностью религиозных объединений, доклады о положении и деятельности русской православной церкви на территории Калининской области. 3 января 1954 г. — 25 ноября 1955 г. // ГАТО (Государственный архив Тверской области). — Фонд Р-2723. — Описание 1. — Д. 14.

7. Инструктивные письма председателя Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по вопросам осуществления контроля за деятельностью религиозных объединений, доклады о положении и деятельности русской православной церкви на территории Калининской области. 4 января — 29 декабря 1955 г. // ГАТО. — Фонд Р-2723. — Описание 1. — Д. 14.

8. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / КПСС; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. — М.: Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Т. 8: 1946–1955. — 542 с.

9. О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения: пост. ЦК КПСС 7 июля 1954 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / 9-е изд., доп. и испр. — Т. 8. — М., 1985.

10. Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения // Правда. — 1954. — № 315. — 11 ноября.

11. Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. — Москва: ЦИНО, 2002. — 310 с.

12. Отчет ЦК ВЛКСМ XII съезду: докл. секретаря ЦК ВЛКСМ тов. А. Н. Шелепина // Комс. правда. — 1954. — 20 марта.

13. Потапова Н. В. Политика Советского государства в отношении Церкви 1940–1980 гг. (Нормативно-правовые аспекты регулирования) // Ленинградский юридический журнал. — 2007. — № 4. — С. 166–178.

14. Русская православная Церковь. XX век / Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др. — М. изд. Сретенского монастыря, 2008. — 802 с.

15. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М.: Изд-во «Республика», 1995. — 511 с.

16. Цыпин В., прот. Курс Церковного права. — Клин, 2002.

17. Цыпин В., прот. История Русской Церкви. — Кн. 9. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — 831 с.

18. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. — М.: АИРО-XX, 1999.

19. Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду // Правда. — 1954. — 24 июля.

20. Шкаровский М. В. Русская православная церковь и советское государство в 1943–1964 годах: от «перемирия» к новой войне. — СПб.: Изд. объедин. «ДЕАН+АДИА-М», 1995.

21. Шкаровский М. В. Русская православная Церковь в XX веке. — М.: Вече; Лепта, 2010. — 478 с.

22. Штырков С. А. Обличительная этнография эпохи Хрущева: большая идеология и народный обычай (на примере Северо-Осетинской АССР) // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2009. — № 1 (063). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/sh12.html> (дата обращения: 25.12.2022).

23. Chumachenko T. A. Church and State in Soviet Russia. — Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2002.